

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.10>

Попов Фёдор Алексеевич

**ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В БЕЛОМ ПРИМОРЬЕ В ИЮНЕ-АВГУСТЕ 1922 Г.:
МЕЖДУ МОНАРХИЕЙ, ДИРЕКТОРИЕЙ И ДИКТАТУРОЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ)**

В статье исследуются политические дискуссии, имевшие место в последнем оплоте Белого движения - Приморском государственном образовании - после политического кризиса июня 1922 г. Отталкиваясь от материалов приморской прессы, автор реконструирует основные точки зрения, бытовавшие среди политически активной общественности белого Приморья. Особое внимание уделено дебатам в ходе Приамурского Земского Собора июля-августа 1922 г., по итогам которого в Приморье установилась единоличная диктатура генерала М. К. Дитерихса. Анализу подвергнуто поведение участников Земского Собора, их мотивация при принятии тех или иных решений, отражение этих решений в проправительственной прессе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/9/10.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 49-57. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

24. **Reagan: 'Star Wars' flap resolved** Lawmakers salute 'fine job' at summit // The Atlanta Journal and The Atlanta Constitution (USA). 1987. 11 Dec.
25. **Rogers W.** If Mikhail needs a role model... // The Washington Times (USA). 1990. 26 Jun.
26. **Schmemmann S.** RED STAR – Gorbachev rises in aging Soviet leadership galaxy // The Dallas Morning News (USA). 1985. 3 March.
27. **White D.** The drama is in the small print: Mikhail Gorbachev's unannouncement of arms cuts // Financial Times (England). 1988. 9 Dec.

**“GORBY – THE MAN WHO CHANGED THE WORLD”:
EVOLUTION OF M. S. GORBACHEV'S IMAGE IN THE ENGLISH-SPEAKING PRESS (1985-1991)**

Pashkovskaya Tat'yana Grigor'evna, Ph. D. in Philosophy
Shestialtynova Ekaterina Vasil'evna
Tokarev Egor Vladimirovich
Nosov Magnitogorsk State Technical University
czaczulia@inbox.ru; katya.beschetnova@mail.ru; tokareve152@gmail.com

The article is devoted to analysing the transformation of M. S. Gorbachev's image in the English-speaking media discourse. The British, USA, Canadian and Australian newspaper publications of 1985-1991 served as a research material. The study is based on methodological conceptions of M. Foucault, T. V. Dijk, M. Pecheux, D. Pageaux, J. Leerssen. The stages of forming the Soviet leader's new image are examined. Analysing the metaphors and historical parallels used by newspaper journalists, the authors identify the mechanisms of irrational influence of media discourse on the readers.

Key words and phrases: M. S. Gorbachev; "cold war"; image; public opinion; media discourse; English-speaking press; imagology.

УДК 94(47)

Дата поступления рукописи: 03.06.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.10>

В статье исследуются политические дискуссии, имевшие место в последнем оплоте Белого движения – Приморском государственном образовании – после политического кризиса июня 1922 г. Отталкиваясь от материалов приморской прессы, автор реконструирует основные точки зрения, бытовавшие среди политически активной общественности белого Приморья. Особое внимание уделено дебатам в ходе Приамурского Земского Собора июля-августа 1922 г., по итогам которого в Приморье установилась единоличная диктатура генерала М. К. Дитерихса. Анализу подвергнуто поведение участников Земского Собора, их мотивация при принятии тех или иных решений, отражение этих решений в проправительственной прессе.

Ключевые слова и фразы: Белое движение; форма правления; монархия; антибольшевизм; Гражданская война; политическая публицистика; Дальний Восток.

Попов Фёдор Алексеевич

Московский педагогический государственный университет
porovf1992@mail.ru

**ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В БЕЛОМ ПРИМОРЬЕ В ИЮНЕ-АВГУСТЕ 1922 Г.:
МЕЖДУ МОНАРХИЕЙ, ДИРЕКТОРИЕЙ И ДИКТАТУРОЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ)**

Политико-правовому статусу правительств Белого движения посвящена обширная историография. В меньшей степени изучены дискуссии по идеологическим вопросам, сопровождавшие и направлявшие государственное строительство «белой России». Между тем громадный материал по идеологии Белого движения, политическому сознанию его участников предоставляет в распоряжение исследователей выходящая на территории антибольшевистских режимов пресса. **Цель** данной статьи – выявить основные точки зрения на форму правления в белом Приморье в период 1921-1922 гг. **Научная новизна** исследования состоит, прежде всего, в использовании материалов периодической печати. **Актуальность** статье придает то обстоятельство, что дебаты относительно вопросов конституционного (государственного) права регулярно встают перед любым обществом – в этом смысле опыт белого Приморья может привести к обобщениям, выходящим далеко за рамки истории Гражданской войны на Дальнем Востоке России.

На заключительном этапе своей истории Белое движение перешло к составлению новых идеологических концепций. В случае с белым Приморьем – последним оплотом антибольшевистских сил на территории бывшей Российской империи – этому способствовало несколько факторов.

Во-первых, пребывание в Приморье японских войск сдерживало большевиков от открытой агрессии против Временного Приамурского правительства (далее – ВПП), вместе с тем позволяя последнему проводить операции против Дальневосточной республики (далее – ДВР). Примером может служить «Хабаровский поход», проведенный переименованной в «Белоповстанческую», Дальневосточной армией на рубеже 1921-1922 гг. Эта «гарантия безопасности» (вернее, ее иллюзия, т.к. эвакуация японцев была вопросом времени) до некоторой

степени снижала внимание политиков белого Приморья к сугубо военным вопросам, тогда как в иных областях велся активный поиск альтернатив.

Во-вторых, уже к моменту переворота 26 мая 1921 г. и окончательно после провала «Хабаровского похода» стало очевидно, что будущее Белого движения связано не с ведением активных боевых операций и не с расширением территории, а с обустройством уже имеющегося плацдарма. Такой плацдарм не может держаться исключительно на штыках, ему необходима внятная и монолитная идеология, которую можно было вести с пропагандистскими целями, через воззвания, газеты, устную агитацию и т.д., транслировать на советскую территорию.

В-третьих, географически белое Приморье было зажато между абсолютно враждебными ДВР и РСФСР, дружественной Японией, нейтральным Китаем. Добавим к этому открытость Тихому океану, а вместе с ним и трансокеанской торговле – торговое значение Владивостока как «порто-франко» приковывало к нему внимание ведущих держав, и, прежде всего, САСШ, чьи интересы на Дальнем Востоке носили как политический, так и экономический характер [28]. Приамурское правительство самостоятельно пыталось заручиться поддержкой Франции и Бельгии, устанавливало контакты с представителями побежденной Германии, которая в этот период активно искала внешнеэкономических партнеров. «Узловое» значение региона в контексте геополитики побуждало государственных деятелей Приморья работать над своим имиджем в глазах иностранцев. От политической саморепрезентации во многом зависел успех дипломатических переговоров.

С победой Антанты в Первой мировой войне популярность социалистических, либеральных, демократических идей возросла, причиной чему послужил не только крах монархий (российской, германской, австро-венгерской, османской) в 1917-1918 гг., но и международная активность американского президента Вудро Вильсона, который делал все возможное для рекламы «демократической модели». Именно в САСШ с ноября 1921 г. по февраль 1922 г. проходила Вашингтонская конференция по проблемам Дальнего Востока, куда – в надежде на поддержку со стороны «великих держав» – прибыли представители как ВПП, так и ДВР. ВПП стремилось к подчеркиванию своей «демократичности», не забывая при этом громко декларировать «непримиримость к большевизму».

В-четвертых, кризис советской системы, приведший к введению НЭП, предоставлял в распоряжение антибольшевиков «окно возможностей»: советская государственность была, как считали лидеры ВПП, весьма уязвима в 1920-1922 гг., так как после окончания боевых действий на Юге России ей пришлось подавлять многочисленные крестьянские восстания. С другой стороны, новый, более либеральный (после провозглашения НЭП) и более патриотический (после начала войны с Польшей) «имидж» Советской России мог привлечь к ней новых сторонников. От Белого движения требовалось ответить на вопрос: почему советская власть неприемлема для России? Это, в частности, вовлекало приморских публицистов в полемику со сменовеховцами, центр политического влияния которых располагался на Дальнем Востоке – в Харбине, где с 1920 г. жил ведущий идеолог данного течения, бывший колчаковский министр пропаганды Н. В. Устрялов.

Все эти обстоятельства синхронно вели к интенсификации поисков единой политической платформы в белом Приморье. Во всяком случае, чисто военные рецепты борьбы с большевизмом показали свою неэффективность, повторение же ошибок Колчака и Деникина на «последней пяди русской земли» у вод Тихого океана – других «плацдармов» у антибольшевистского движения к тому времени уже не было и не могло быть – грозило фатальными последствиями. Таким образом, приморским общественно-политическим кругам требовалось незамедлительно найти необходимую политическую формулу антибольшевистской борьбы. В условиях намечавшегося вывода японских войск многие переоценивали значение политической программы, видя в ней залог оздоровления государственного организма самого Приморья и воздействия на наступавших солдат Народно-Революционной (ДВР) и Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РСФСР).

Усилил важность политических перемен и кризис в июне 1922 г., когда формально братья Меркуловы смогли преодолеть сопротивление широкой антиправительственной коалиции (антимеркуловские «несоциалисты», левая оппозиция, армия), чего, правда, могло бы и не произойти без поддержки Меркуловых со стороны приглашенного во Владивосток генерала М. К. Дитерихса [6; 27, с. 456-466]. Необходимость обновления государственной конструкции понимали и представители принципиальных «антиреволюционеров» (Меркуловых и Дитерихса) и их противники. Первые начинали реформы с целью сделать государственный строй более стабильным и менее уязвимым для революционных потрясений, в то время как вторые считали необходимыми либеральные преобразования (если, конечно, их антипатия к Меркуловым не диктовалась личными причинами, не связанными с идеологией, поскольку большинство взбунтовавшихся против ВПП «несоциалистов» были отнюдь не либералами). Так или иначе, как только противостояние ВПП и Народно-Собрания завершилось, в прессе развернулась дискуссия о желательном государственном устройстве.

Дискуссии на страницах прессы могли начаться и для того, чтобы повлиять на решения Земского Собора, созыв которого «в течение 15 дней по прекращении бунта» декларировал еще С. Д. Меркулов в указе № 149 от 6 июня 1922 г. Все участники политического процесса в Приморье хотели использовать Собор для защиты своих интересов. Всем было очевидно, что от выработанных на Соборе решений зависит долговечность белого государственного образования. Тем не менее не было ясно, что будет представлять учреждение со столь архаичным названием, позаимствованным из лексикона Московской Руси XVI-XVII веков. Пока до созыва Собора оставалось время, а его политико-правовой статус не был должным образом отрегулирован, публицисты различных взглядов старались по своему объяснить его функции, тем более что с идеей «Земского Собора» в разное время выступали различные силы – от министра внутренних дел Н. П. Игнатьева в 1882 г. до сибирских областников в 1919 г.

Поэтому первым и самым главным вопросом, стоящим на повестке дня в июне 1922 г., был вопрос о смысле созываемого Земского Собора: является ли он аналогом Учредительного Собрания, хотя бы и под другим наименованием и с другими полномочиями, или же это структура, заметно отличающаяся от парламентских учреждений западной цивилизации?

Официозные СМИ, такие, как «Слово», «Русский край» (Владивосток), «Уссурийское слово» (Никольск-Уссурийский), опасались проникновения в Земский Собор левых и даже большевистских элементов. Участие в работе Собора депутатов Народного Собрания низвело бы Собор до обычной «парламентской говорильни». В передовице «Уссурийского слова» от 21 июня выражалась надежда на то, что Земский Собор будет огражден от таких политиков: *«Будут ли представители Собора представлять из себя лучшую часть русской, национальной, несоциалистической общественности, или в него опять попадут болтуны и интриганы, подобные тем, которые были в Народном Собрании – вот вопрос, над которым нужно задуматься всем приморским несоциалистам, так как от личного состава Собора зависит дальнейшая судьба нашего национального государственного образования»* [23, с. 2].

Когда правительственная комиссия во главе со старшим председателем владивостокской Судебной палаты Куркутовым представила 21 июня на заседании комитета несоциалистических организаций проект Положения о Земском Собрании, правая пресса не замедлила раскритиковать его излишнюю демократичность (из общего числа в 208 мест проект Куркутова отводил несоциалистам всего 60, т.е. примерно 25% от общего числа представителей. Остальные места должны были занять аполитичные организации [Там же]). «Уссурийское слово» открыто писало о необходимости так подкорректировать проект, чтобы большинство в нем досталось проправительственным делегатам: *«Необходимо настаивать на том, чтобы в Куркутовский проект были внесены соответствующие поправки, обеспечивающие несоциалистической общественности явное большинство мест. Пора уже перестать играть в социалистические и демократические бирюльки, так как у нас слишком много примеров того, как срывалась национальная работа благодаря тому, что социализм и демократизм принимали за начала, способные вывести страну из тупика»* [24, с. 2].

Далее газета делала весьма оригинальные выводы относительно неудач былых вождей Белого движения: *«Колчак, Деникин, Врангель погибли не потому, что они лишились мифической поддержки народа, а только в силу того, что их доверенные лица, долженствующие проводить в жизнь на местах несоциалистические начала, неожиданно становились демократами и начиналась опасная игра с озем, которая непременно приводила к тому, что они обжигали свои крылья и русское национальное дело гибло»* [Там же]. Горький опыт Приамурского Народного Собрания учил приморских правых: лучше законодательно ограничить избирательное право, чем пожинать плоды работы парламентского органа с оппозиционным составом.

Другой вопрос, высказаться по которому сочли нужным практически все общественно-значимые газеты Приморья, касался формы правления. От участников Земского Собора зависело, пойдет ли режим по пути «национальной диктатуры», подобно потерпевшим крушение режимам Колчака, Деникина, Семенова и т.д., или заявит о своей приверженности демократии и парламентаризму. Крах «недоворота», затеянного Народным Собранием для расширения своих полномочий, казалось бы, должен был склонить общественное мнение к осознанию преимуществ авторитарной системы управления. Тем не менее сказалась специфика приморской белой государственности, которая с момента своего зарождения в мае 1921 г. не знала «чистой» диктатуры.

Промеркуловская печать, занимая крайне критическую позицию относительно парламентаризма, в то же время настойчиво пропагандировала коллегиальную форму правления – директорию. Единоличная диктатура однозначно отвергалась публицистами правого направления. Признавалось целесообразным даже возобновление работы Народного Собрания, в том случае если оно учтет ошибки предыдущего состава и будет послушно исполнять волю исполнительной власти. Такое утилитарное отношение к парламенту выразил в «Русском крае» публицист под псевдонимом «Незнакомец»: *«Ведь не слова, господа, опасны, а опасно содержание, которое в них вкладывают. С этой точки зрения нам действительно и в будущем нужен какой-то – нарсоб. Да и приходится иметь нам дело со странами, где есть парламентаризм. Америка, Япония и даже Китай все они имеют парламенты. Для удобства и прочности наших с ними сношений нам тоже необходим парламент. Мне поэтому необходимость того или иного представительного органа в Приморье представляется неоспоримой и главным образом с точки зрения деловой и удобства. По-видимому, наши несоциалистические руководящие круги стоят на такой же точке зрения и вопрос, следовательно, сводится к тому, чтобы идею парламентаризма осуществить в Приморье в соответствии с ее максимальной выгодностью и практичностью»* [11, с. 3]. Образцом парламента автор считал Государственный Совет «по типу бывшего при царском правительстве», т.е. подходящий для Приморья парламентаризм, по мнению публициста, должен был ограничиться верхней палатой парламента, которая во всех странах отличалась меньшей эгалитарностью по сравнению с нижней. *«Наш будущий Государственный Совет, – писал “Незнакомец”, – должен быть недорогим и не обременительным для казны представительным органом, он должен помогать власти в ее работе и не создавать вечные интриги и тормозы подобно нашим нарсобам»* [Там же].

Диктатура, которая могла показаться соблазнительной на фоне только что усмиренного «бунта», сознательно отвергалась теми кругами крайне правой общественности, которые, при других обстоятельствах, могли за нее выступать. Вместо нее рассматривался вариант с расширением полномочий исполнительной власти, которая, что важно, должна по-прежнему оставаться коллегиальной, какой она и была при «недемократичном» премьерстве С. Д. Меркулова. В статье «Единственный путь» один из авторов «Русского края» констатировал недопустимость концентрации власти в одних руках: *«Только из соображений практической*

целесообразности можем мы исходить при разрешении всех вопросов строения государственности. Руководствуясь этим методом, мы должны признать, что наиболее рациональной формой строения Верховной власти является Директория, а не единоличная власть» [12, с. 2]. В качестве аргумента в пользу директории приводилось «колоссальное усложнение и углубление всего государственного механизма, созданного в Приморье», что «делает непосильным работу одного лица, стоящего во главе Верховной власти» [Там же].

За коллегиальную исполнительную власть выступали даже те, кто считал идеалом именно диктатуру. Так, «Уссурийское слово» соглашалось, что, «конечно, идеалом власти является твердая единоличная власть, могущая самостоятельно решать все государственные дела, достаточно решительная чтобы положить предел всякому политиканству и способная примирить все партийные однородного происхождения группировки» [25, с. 2]. Отдавая себе отчет в том, что «условия настоящего момента не дают еще возможности к созданию такой единоличной верховной власти», главный орган несоциалистов Никольско-Уссурийского находил утешение в том, что «Земский Собор должен будет стремиться к тому, чтобы верховная власть была сконструирована из наименьшего числа лиц, в данном случае хотя бы трех...» [Там же].

Заключительный этап развития Белого движения ознаменовался возрождением монархических идей. Очевидная несостоятельность постфевральского (1917 г.) республиканского «варианта» развития страны, поражения «генеральских диктатур» Белого дела привлекали многих к тому *ancien regime*, который существовал до февраля 1917 г. В монархической форме правления видели то, чего не доставало военной диктатуре и тем более демократической республике – монолитности, стабильности и, главное, легитимности. В Приморье монархические настроения достигли наивысшего масштаба, что выразилось в активном обсуждении идеи реставрации монархии накануне Земского Собора.

Следует отметить, что, несмотря на симпатии к монархии подавляющего числа приморских несоциалистов, далеко не все из них готовы были незамедлительно возрождать ее. Препятствием служила узость территории, на которой пока существовало белое Приморье, сложность местного политического ландшафта, а также ожидание возможного окончания «белой борьбы» – после эвакуации японских войск она могла быть недолгой. «Обывательские шутки, что даже король Албании не пойдет на то, чтобы царствовать на Первой Речке, не лишены горькой правды», – писал автор «Русского края» [13, с. 3].

Аргументы поборников реставрации были представлены в «программной» статье «Монархизм» бывшего члена партии кадетов (правого крыла) Н. А. Митаревского, в том же «Русском крае». Публицист особо отмечал правовую легитимность, которая по-прежнему сохраняется за династией Романовых. По Митаревскому, никто не отменял в России монархическую форму правления, объявление же Временным правительством республики в сентябре 1917 г. «юридически ничтожно» по той причине, что полномочия самого Временного правительства были дарованы ему великим князем Михаилом Александровичем, в пользу которого, за себя и за сына, отрекся от престола Николай II. Поручение Михаила Александровича созвать Учредительное Собрание не было исполнено Временным правительством, само же оно не вправе предопределять государственное устройство страны, т.к. «правопреемник не может располагать большими правами нежели праводатель» [10, с. 2].

Трудность с объяснением взаимосвязи между монархической идеей и Белым движением, никогда не поднимавшим на знамя лозунги реставрации, обходилась Митаревским с помощью того же акцента на легитимности: объявив себя защитниками законной власти и правового государства, белые автоматически становились «монархистами», поскольку иной законной власти, кроме власти династии Романовых, нет. «Может быть мне возразят, что Белое движение против большевиков началось не с сегодняшнего дня и что ни в 18, ни в 19, ни даже 21 году никто не говорил о возглавлении этого движения царствующей династией. Что же из этого? Это отнюдь не нарушает связь между движением и династией. Те или другие тактические соображения могли заставлять не выявлять этой связи, но тем не менее связь эта существовала и существует» [Там же].

Одна из причин отказа антибольшевистских правительств от монархических лозунгов, по мнению публициста, заключалась во влиянии на эти правительства партии социалистов-революционеров. Длительный альянс с социалистами мешал закреплению Белого движения на подлинно правовых (т.е. монархических) основах; кроме того, присутствие социалистов в государственном аппарате ослабляло лагерь противников большевизма, в силу неизбежного взаимопритяжения умеренных (эсеров) и радикальных социалистов (большевиков). В качестве примера последовательной антисоциалистической позиции он приводил свою собственную: «Лично я еще в начале 18 года стоял на точке зрения “чистоты доктрины”. В конце февраля 18 года на дальневосточной Краевой конференции К. Д. партии в Харбине в тактическом докладе, я указывал на необходимость организации антибольшевистского движения в формах диктатуры, опирающейся на несоциалистические партии. Как и тогда, так и теперь я исходил из того предположения, что борьба с большевизмом является одновременно борьбой с социализмом и что умеренные социалистические партии должны всегда в своем построении тяготеть к большевизму» [Там же].

Теоретические изыскания монархистов вызывали насмешку либеральной прессы. Примечательна заметка «Книжные новости», опубликованная в газете «Руль» в форме отзыва на книги, поступившие в редакцию. Так, профессору Л. Д. Тяжелову приписывалась работа «Монархизм как средство для постройки брюк. Диссертация на степень кашевара международного права. Владивосток. 1918 г. Цена 3 копейки» [8, с. 3]. Н. А. Митаревский якобы передал в «Руль» на рецензирование труд под названием «Искусство жить на ширмака. Глубокие наблюдения из опыта собственной жизни» [Там же] – в данном случае высмеивался образ жизни Митаревского («жить на ширмака» в переводе с воровского жаргона означает дармоедский

образ жизни). Невозможность открыто нападать на правительство «Руль» компенсировал язвительной сатирой на известных деятелей правого лагеря, не затрагивая, однако, персону Верховного Правителя Приамурского края М. К. Дитерихса. В период преобладания социалистов и коммунистов в составе земского правительства А. С. Медведева схожую стратегию – ведение политической борьбы через высмеивание оппонентов – использовал правый журнал «Блоха».

Еще одной проблемой, обсуждавшейся в связи с созывом Земского Собора, было участие в нем либеральных и социалистических элементов. Имея перед собой негативный опыт двух приморских парламентов, многие «несосы» опасались, что Земский Собор из учреждения в «славянофильском духе» превратится даже не в Учредительное Собрание, а во второе издание почившего приморского Народного Собрания. Силы, которые своим участием в Земском Соборе могли подпортить монархическую идиллию, не спешили посылать туда делегатов. Либеральная «Наша Речь» объявила бойкот Собору. Это, с одной стороны, отделяло левых от влияния на потенциальное монархическое большинство (при том, что такое большинство еще нужно было сформировать), с другой – подрывало легитимность Собора, который, несмотря на инвективы его создателей в адрес западного парламентаризма, тоже нуждался в опоре на все слои населения, включая настроенные оппозиционно.

Уход либералов в «глухую» оппозицию, даже в фронду правящему режиму, означал и их готовность договариваться с ДВР. Последнее обстоятельство не могло не беспокоить сторонников всеобщей антибольшевистской мобилизации приморского общества: ведь какие бы разногласия ни разделяли их с либералами, они все-таки надеялись на их поддержку в решающей схватке с ДВР. В интервью журналистам С. Д. Меркулов, все еще занимавший должность главы правительства, отмечал, что «созывом Земского Собора недовольны, во-первых элементы, ориентирующиеся на ДВР, во-вторых – группа, стремящаяся к насильственному захвату власти» [26, с. 2].

«Русский край» усматривал в бойкоте трусость оппозиционеров, боязнь в очередной раз обнаружить свою малочисленность и отсутствие поддержки в приморском обществе. В статье под красноречивым заголовком «Швейцарские адмиралы» анонимный публицист напоминал о ничтожных 33 голосах, отданных за демократического кандидата К. К. Куртеева (редактора газеты «Голос Родины») на выборах во владивостокскую городскую думу, и проводил следующую параллель: «Швейцария не примет участия в борьбе с пиратами. Не примет, т.к. флота у нее нет. Т. наз. демократические силы возможно откажутся от участия в работах Земского Собора только вследствие сознания своего бессилия и чтобы скрыть это бессилие» [9, с. 2].

Но гораздо опаснее бойкота было сознательное делегирование на Собор тех представителей, которые не скрывали своего стремления скорректировать внешнюю политику белого Приморья в русле примирения с ДВР и Советской Россией. Открытое озвучивание подобной позиции в ходе работы Собора привело бы к ощущению правильности советской политики, что было недопустимо для непримиримых антибольшевиков.

Примечательна позиция бизнес-структур. Торгово-промышленники полагали, что с победителями – к лету 1922 г. победа большевиков стала очевидной всем и каждому – еще можно договориться; успехи «новой экономической политики» вселяли надежды на сохранение прибылей и при «диктатуре пролетариата». Крайне нелицеприятную характеристику владивостокской Торгово-промышленной палате спустя 5 лет после описываемых событий давал журналист Вс. Н. Иванков, игравший заметную роль в приморской белой публицистике и пропаганде: «Собрание нетронутых советской тапи military буржуев она являла вид наивно-оптимистический. Она не могла не быть довольной освобождением от коммунистического ига 26 мая 1921 года. Но она видела неустойчивость власти и боялась обнаружиться, хотя и вносила на оный переворот деньги. С избранием на пост ее председателя А. В. Овсянкина, она приняла густо либеральную окраску, с читинским социалистическим душком» [5, с. 18]. Действительно, пункт 5 резолюции Торгово-промышленной палаты гласил: «Допуская, что эвакуация японовоек произойдет на основании известных договорных отношений с Д.В.Р. и, может быть, с Советской Россией, необходимо Приамурскому Государственному Образованию принять участие в этих переговорах, дабы обеспечить себе впредь до образования законного Всероссийского Правительства, признанное международным соглашением, если не суверенное, то, во всяком случае, автономное политическое существование на основах внутреннего правопорядка, имеющего быть установленным Учредительным Собранием» [1, с. 2].

Подобная позиция, воспринимаемая как призыв «договориться» с врагом, вызвала возмущение среди тех политиков, чья идеология состояла в радикальной непримиримости большевизму. В беседе с журналистом «Вестника Национального Движения» торгово-промышленные делегаты вынуждены были отводить от себя обвинения в симпатиях к ДВР. «Мы просто считали, – оправдывались делегаты, – что необходимо войти в известные договорные отношения с Читой, ибо полагали, что возможно было бы при настоящих условиях добиться создания такого положения, когда власть Д.В.Р. и не пыталась бы прийти сюда после ухода японцев, и таким образом сохранился бы здесь мирный небольшевистский уголок русской территории» [2, с. 3]. На вопрос о том, как они представляют себе «договорные отношения» с большевистским буфером, торгово-промышленники ответили, что видят ее «в форме известного договора о торговом обмене, а также специального договора, которым обе стороны обязались бы прекратить и впредь не предпринимать друг против друга вооруженную борьбу» [Там же]. Такое соглашение было взаимовыгодно обеим сторонам, поскольку и ДВР, и белое Приморье страдали от экономического кризиса.

Публицист А. Имантов, критиковавший наивное отношение торгово-промышленников к врагам белого Приморья, писал: «Что думает культурный мир о большевиках, почему в сов. России и ДВР то и дело вспыхивают вооруженные выступления, владивостокские “Минины” не задумываются. Они просто считают, просто полагают,

а этим же временем усиленно хлопочут о забронировании собственных складов, магазинов иностранными флагами. Для них ничего не говорит и пример читинских торгово-промышленников, подобным же образом и столь же “активно” фрондировавших против власти атамана Семенов» [15, с. 2]. В конце концов, двое делегатов Торгово-Промышленной палаты сложили с себя полномочия членов Собора, и если один из них – М. Ю. Янковский – сделал это по личным причинам, то второй – Шошин – пошел на данный шаг из-за политических соображений (Демократический Союз, в котором состоял Шошин, вынес антисоборную резолюцию) [3, с. 2].

Полемика велась не только с теми, кто стоял «левее» ВПП. Лоялисты враждовали и с конкурирующими группами правых – прежде всего, с той частью антимеркуловской оппозиции, которая после неудачи июньского «недоворота» переехала в Харбин (В. Ф. Иванов, П. В. Оленин, А. А. Крапоткин). Министр юстиции ВПП С. П. Руднев так прокомментировал в мемуарах успехи «харбинцев»: «За три года мы здесь себя исчерпали сполна, друг в друге извернулись, перессорились, ни напоевон, ни праведников не нашли, и нужно было исконное средство – варяги. Вот мы их из Харбина и стали ждать» [7, с. 445-446].

«Фаворитом» этого осколка некогда единого Несоциалистического Съезда стал бывший приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Харбинцы, совсем недавно упрекавшие С. Д. Меркулова в диктаторских замашках, продвигали Гондатти не просто в главы правительства (главой кабинета министра, т.е. «премьер-министром» как раз и был Меркулов), а в единоличные правители. Не исключено, что такое влечение к персоне экс-губернатора обуславливалось его не столько солидным управленческим опытом, сколько не менее солидным возрастом (61 год). На это намекал «Русский край», проводя интересную аналогию с выборами императора Священной Римской Империи: «В настоящий момент необходима Верховная Власть созданная не по образцу первых Габсбургов, когда выбирали слабого графа, не имеющего сильных противников и таким образом “приемлемого” всем, а власть опирающуюся на реальные силы, власть воплотившую в себе все крупнейшие группировки» [14, с. 2]. Иными словами, автор цитируемого текста – осознанно (едва ли человек, уверено пишущий о выборных традициях Габсбургской империи, ничего не слышал о политико-правовых теориях Томаса Гоббса и Джона Локка) или подспудно – выступал за некую форму общественно-договорную, хоть и заключаемого не между гражданами, а между «крупнейшими группировками».

Доводы в пользу высокого профессионализма Н. Л. Гондатти, руководившего краем в течение шести лет (1911-1917 гг.), парировались отсылкой к несопоставимости до- и пореволюционного опыта. По мнению «Слова»: «Тогда (до революции. – Ф. П.) легче было быть талантливым ген.-губернатором, чем теперь быть удовлетворительным уездным начальником, хотя бы Ольгинского уезда. Следовательно, прошлое харбинского кандидата еще не есть достаточный критерий для определения его способностей на пост Верховного Правителя в Приморье при настоящих условиях» [16, с. 2]. Следует отметить, что сам Гондатти скептически относился к своему «диктаторству», во время июньских событий выразил поддержку Меркуловым и лично убеждал харбинские несоциалистические круги поддержать «законное правительство». Понятно, что ставка на такого кандидата была несостоятельной.

Позиция владивостокских организаций, работавших над докладом правительству перед Земским Собором, определенно склонялась к коллегиальной, «директориальной» форме правления. Вс. Н. Иванов вспоминал об имевших место в это время «совещаниях»: «В долгих совещаниях, в которых, между прочим, участвовало Правительство и члены Совета Управляющих, было установлено, что необходимо проводить власть “коллективную”, при чем она должна была быть “преемственной”. Под неуклюжим этим термином понималось, что в нее должен входить кто-нибудь из Меркуловых, для того, чтобы авторитет их имени пригодился в государственных делах и впредь. Сторонниками единоличной власти являлись там лишь приват-доцент Владивостокского университета Л. Д. Тяжелов и свящ. Антониев» [5, с. 20] (здесь и далее орфография и пунктуация первоисточника сохранены. – Ф. П.).

Рассуждения публицистов, безусловно, влияли на приморскую политику и формировали общественное мнение хотя бы в узкой «несоциалистической» среде, однако принимать решение о форме правления предстояло депутатам Земского Собора. Торжественная церемония открытия собора состоялась 23 июля 1922 г. После оглашения ряда торжественных речей члены Собора 2 августа собрались на закрытое заседание и частное совещание (что расходилось с буквой «Положения о Земском Соборе», согласно которому все собрания должны быть публичными), чтобы определить форму правления. В полуторачасовом докладе С. Д. Меркулов высказался против единоличности и в пользу коллегиальности. Прежде чем приступить к голосованию по кандидатурам, членам Собора предстояло разрешить более фундаментальный вопрос – вопрос о реставрации монархии. На обсуждение было вынесено три пункта: 1) права на осуществление верховной власти в России принадлежат дому Романовых; 2) во главе приморской государственности должен встать Верховный Правитель из этого дома; 3) Земский Собор должен вступить в переговоры с императрицей Марией Федоровной и старейшим представителем династии великим князем Николаем Николаевичем «на предмет приглашения одного из членов династии на пост Верховного Правителя». Первый пункт набрал 204 голоса «за» и 16 «против», второй – 45 «за» и 77 «против», третий – 164 «за» и 55 «против» [17, с. 2].

Из результатов голосования явствует, что члены Собора исповедовали монархическую идеологию, но не испытывали иллюзий по поводу немедленного восстановления монархии. Критикуя главу монархической фракции, бывшего редактора газеты «Русский Край» П. П. Васильева, выступившего с идеей пригласить в Приморье кого-нибудь из великих князей, «Слово» обращалось к читателям с призывом сохранить «чистоту» монархической идеологии: «Мы бережно должны относиться к монархической идее и донести ее не омраченной неудачами до того дня, когда призыв Царя будет провозглашен на всероссийском Земском Соборе, мы должны хранить эту идею, а не приносить ее в жертву нашим мелким домашним соображениям, нашим легковесным восторгам» [18, с. 1].

Гораздо труднее было решить вопрос о Верховном Правителе, призванном править краем в отсутствие монарха. Несмотря на доводы Меркулова, частное совещание Собора 166 голосами против 54 высказалось за единоличную власть. После снятия своих кандидатур С. Д. Меркуловым и М. К. Дитерихсом безальтернативным кандидатом на должность диктатора стал Н. Л. Гондатти. В итоге за него в ходе закрытой баллотировки был отдан 171 белый шар («за») и 43 черных («против»), что означало избрание бывшего генерал-губернатора Верховным Правителем [4, с. 2]. В телеграмме, посланной в Харбин в ночь с 3 на 4 августа, Меркулов уведомил Гондатти о блестящих для последнего результатах баллотировки. Однако в ответной телеграмме Гондатти заявил о своем отказе от должности [19, с. 3].

Этот шаг дезориентировал участников Собора, готовившихся со дня на день вручить Гондатти всю полноту власти. Приморская пресса незамедлительно откликнулась на эти перемены. *«Сколько было потрачено слов, сколько потеряно энергии – и вдруг тот, на которого направлены все помыслы – Н. Л. Гондатти – отказался от предложенного ему поста, с такой же легкостью, с какой он согласился на избрание (если это согласие действительно было)»*, – заключало «Слово» в передовице от 5 августа [18, с. 1]. Неожиданный отказ Гондатти многих укрепил во мнении о якобы имевших место кознях действующего главы Правительства – С. Д. Меркулова, хотя тот после снятия своей кандидатуры не собирался выдвигать ее заново. Будучи в курсе порочащих его репутацию слухов, Меркулов на заседании 4 августа дал отповедь недоброжелателям, попутно выразил недовольство текущим форматом Собора, который вместо переизбрания коллегиального Приморского правительства занялся поиском новых государственных форм: *«Вчера... мне пришлось слышать в кулуарах оскорбительные разговоры о том, будто я стремлюсь сделать какой-то перелом в общем настроении, чтобы укрепить свою кандидатуру. Я к власти никогда не шел, и власти не искал. <...> Я упорно отстаивал власть в моменты посягательств на нее, во имя принципа. <...> Земский Собор собрался для разрешения вопроса о персональной неприемлемости некоторых членов правительства, не было и мысли о создании новой власти, которая не смогла бы воспользоваться нашим 4-месячным опытом. Но наехали новые люди, налетели новые птицы и захотели новой власти, потому что старой не жили»* [19, с. 3].

Речь председателя правительства вызвала неоднозначную реакцию у членов Собора. Крупный промышленник М. Н. Протопопов заявил, что принимать отказ Меркулова от власти недопустимо, т.к. он остается единственным реальным кандидатом на пост Верховного Правителя после неожиданного отречения Гондатти, *«который, очевидно, только поиграл с Земским Собором»* [Там же]. При этом Протопопов озвучил неприятную для большинства мысль: отдавая голоса за единоличную власть, участники Собора голосовали за Гондатти. Соответственно, после отказа последнего единолично возглавить верховную власть пересмотру должен подвергнуться и принцип единоличной власти, одобренный на закрытом совещании 3 августа. Оставалась кандидатура генерала Дитерихса, но, по замечанию Протопопова, *«принятие ее возможно только после глубокого обдумывания и тщательного обсуждения, так как все намеревались выбрать гражданскую власть, а оказались перед лицом военной диктатуры»* [Там же].

Вместе с главой несоциалистической фракции П. П. Васильевым Протопопов внес предложение объявить перерыв на сутки, чтобы дать участникам Собора сговориться между собой перед новым частным совещанием. Эта идея не понравилась Меркулову, который не хотел отпускать Собор на перерыв, обоснованно считая, что отлагательство лишь поспособствует разладу. Им в весьма жестком тоне было заявлено: *«Сегодня же нужно решить вопрос о власти. Здесь есть много дельцов, у которых мы отказались покупать голоса. Нужно бросить игру и выбирать власть. Немедля надо подготовить почву для вызова Великого Князя в качестве Верховного Правителя»* [Там же]. Высказанная всерьез мысль о немедленном приглашении в Приморье представителя дома Романовых диктовалась дефицитом кандидатур и, по сути, являлась жестом отчаяния.

На том же заседании открытый вызов Меркулову бросил бывший городской голова Владивостока И. И. Еремеев, обвинив председателя правительства в фальсификации телеграммы Гондатти, который якобы дал согласие на пост единоличного правителя. После подтверждения подлинности телеграммы Еремеев был вынужден «сконфуженно» покинуть трибуну.

Заседание 4 августа показало, что желанный консенсус между политическими группами Приморья, о котором так много говорили перед созывом Собора, оказался миражом. Прежние противоречия не исчезли и при первом удобном случае обнаружались в форме обоюдных обвинений. Вместо разработки правовых актов, которые составили бы основу новой приморской государственности, участники Собора стали обсуждать личности, а не законы. На это обращали внимание и некоторые члены Собора, например, делегат от Сибирского казачьего войска А. Г. Грызлов, предложивший *«прежде чем решать вопрос о лицах... выясните какова же будет конституция»* [Там же].

Казалось, что с отказом Н. Л. Гондатти от поста Верховного Правителя миссия Земского Собора, как перед ним миссия Народного Собрания, зашла в тупик. Но на заседании 6 августа Меркулову удалось выправить ситуацию. Этому способствовал полный провал переговоров с Гондатти, который в еще одной телеграмме «рабочему председателю» Земского Собора Н. И. Миролюбову заявил о бессмысленности сношений с ним по прямому проводу. Таким образом, попытка харбинской общественности навязать Приморью свой вариант конструкции государственной власти разбилась об апатию фаворита «харбинцев» – Н. Л. Гондатти. Член Собора В. М. Манаев, обрушившись в своей речи на Харбин, призвал не ориентироваться на его мнение и баллотировать кандидатуру Дитерихса. Меркулов на правах председателя произнес вдохновляющую речь в поддержку генерала, призвав присутствующих единогласно проголосовать за того. Конкуренции не получилось, поскольку никто иной не решился выставить свою кандидатуру. В результате баллотировка приняла характер безальтернативного востума поддержки.

О религиозной окраске соборного решения говорит молитва «Днесь спасения отверзь нам двери», прочитанная членами Собора перед тем, как 213 голосами против 19 избрать Дитерихса [20, с. 2].

Торжественная передача власти К. М. Дитерихсу состоялась 8 августа, для чего Собор собрался на новое совещание. В присяге генерал поклялся принять «по воле и избранию Приамурского Земского Собора возглавление на правах Верховной Власти Приамурского Государственного Образования со званием Правителя» [21, с. 5]. В своей речи Дитерихс остановился на трех принципах организации новой власти. Первый был связан с «возрождением религиозной идеологии», которая по воле Земского Собора стала доминирующей в Приморье. До этого все попытки объединения антибольшевистских сил, по мнению Дитерихса, делались «только для спасения наших животишек» [22, с. 4]. Вторым принципом была названа «борьба с советской властью для свержения ее» [Там же], что подчеркивало наступательный характер белого государственного образования, т.е. Верховным Правителем была избрана именно та стратегия антибольшевистской борьбы, которая так пугала умеренные и настроенные на компромисс с ДВР либеральные группы. Третий же принцип заключался в своеобразно трактуемом «непредрешенчестве». Если предшествующие белые режимы, обосновывая свое нежелание решать те или иные вопросы, ссылались на будущее Учредительное Собрание, то Дитерихс объяснял отсутствие у себя таких полномочий тем, что он не «Помазанник Божий». Более того, это «помазанничество» в условиях Гражданской войны не распространялось даже на членов династии.

Ход рассуждений генерал был следующим: «...теперешние призванные правители, кем бы они не были, хотя бы и из Династии Романовых, не могут смотреть на себя в данную минуту, как на Помазанников Божьих, ибо вопрос сей разрешается не нами. Династия Романовых могла бы быть помазанниками, но для нас смертных нельзя и мечтать, чтобы принять на себя звание правителей всей России. Мы – правители борьбы с советской Россией и тех государственных объединений, которые для этой борьбы рождаются» [Там же]. Этой речью Дитерихс в очередной раз подтвердил свою репутацию «мистика», причем, несмотря на постулируемый монархизм, права Романовых не обладали для него абсолютной ценностью. Из процитированного фрагмента видно, что взгляды Дитерихса выходили за рамки монархического легитимизма, приближаясь к мистическому, теократическому истолкованию монархической идеи, характерному для ряда мыслителей русского и европейского традиционализма (К. Н. Леонтьев, Жозеф Де Местр, Луи Бональд).

Таким образом, отраженная в приморской прессе дискуссия о политико-правовом статусе верховной власти в Приморском Государственном Образовании (наименование «Приамурский Земский Край» будет утверждено одним из первых указов М. К. Дитерихса на посту Верховного Правителя) изначально развивалась в русле конкуренции двух идей: коллегиальной директории и единоличного правления (но не «военной диктатуры») – недаром сторонники единоначалия выдвигали в Правители гражданское лицо, чиновника с большим управленческим опытом, бывшего генерал-губернатора Приамурья Н. Л. Гондатти). Но если за принцип коллегиального устройства исполнительной власти выступало большинство правых органов печати («Слово», «Русский край», «Усурийское слово»), то к единоличному управлению были склонны т.н. «харбинцы» – члены Несоциалистического Съезда, переехавшие в Харбин после неудачной попытки свергнуть ВПП. Тем не менее при постановке вопроса о форме правления на созванном Земском Соборе среди его членов с резким отрывом возобладала идея единоличной власти (166 голосов против 54). Н. Л. Гондатти был выбран большинством голосов, и «харбинцы» могли праздновать победу, если бы только данная победа не превратилась в поражение решением самого Гондатти, отказавшегося принять бразды правления. За неимением иных кандидатур (С. Д. Меркулов после событий «недоворота» 1-10 июня едва ли решился бы на выдвижение), Земский Собор остановился на генерале М. К. Дитерихсе. Можно констатировать, что при наличии выбора Собор, по стечению обстоятельств, избрал ту же политико-правовую модель, которая была характерна для режимов А. В. Колчака и Г. М. Семенова, а именно военную диктатуру. Если измерять «коллегиальность», «демократичность», степень «опоры на население» режима, установившегося по итогам Земского Собора, то его следует оценивать как «шаг назад» по сравнению с ВПП С. Д. Меркулова. Попытка ввести в Приморье некий вариант «скорректированного парламентаризма» в виде законосовещательной Приамурской Земской Думы, призванной заменить представительное, но оппозиционное по сути Народное Собрание, вполне соотносится со схожими переменами политического курса Российского Правительства А. В. Колчака во второй половине 1919 г.

Список источников

1. Вестник Национального Движения. 1922. 21 июля.
2. Вестник Национального Движения. 1922. 27 июля.
3. Вестник Национального Движения. 1922. 28 июля.
4. Вестник Национального Движения. 1922. 3 августа.
5. Иванов Вс. Н. Крах белого Приморья. Из записок журналиста. Тяньцзинь, 1927. 30 с.
6. Павлов П. Ю., Землянский В. Л. Политический кризис в Приморье и Приамурское Народное собрание в июне 1922 г. // Ойкумена. 2016. № 1. С. 68-76.
7. Руднев С. П. Воспоминания. При вечерних огнях. Харбин: Заря, 1927. 467 с.
8. Руль. 1922. 2 сентября.
9. Русский край. 1922. 27 июня.
10. Русский край. 1922. 28 июня.
11. Русский край. 1922. 22 июля.
12. Русский край. 1922. 28 июля.
13. Русский край. 1922. 30 июля.

14. **Русский край.** 1922. 1 августа.
15. **Слово.** 1922. 29 июля.
16. **Слово.** 1922. 2 августа.
17. **Слово.** 1922. 4 августа.
18. **Слово.** 1922. 5 августа.
19. **Слово.** 1922. 6 августа.
20. **Слово.** 1922. 8 августа.
21. **Слово.** 1922. 9 августа.
22. **Слово.** 1922. 10 августа.
23. **Уссурийское слово.** 1922. 22 июня.
24. **Уссурийское слово.** 1922. 23 июня.
25. **Уссурийское слово.** 1922. 24 июня.
26. **Уссурийское слово.** 1922. 30 июня.
27. **Цветков В. Ж.** Белое дело в России. 1920-1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Часть 2. М.: Наука, 2016. Ч. 2. 640 с.
28. **Шишкин В. И.** Геополитическая роль русского Дальнего Востока в период Великой войны 1914-1922 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://zaimka.ru/shishkin-fareast/> (дата обращения: 01.07.2019).

**PROBLEM OF CHOOSING THE FORM OF GOVERNMENT IN WHITE PRIMORYE IN JUNE-AUGUST 1922:
BETWEEN MONARCHY, DIRECTORATE AND DICTATORSHIP (BY THE MATERIAL OF THE PRINT MEDIA)**

Popov Fedor Alekseevich

*Moscow Pedagogical State University
popovf1992@mail.ru*

The article analyses political discussions held in the last bastion of the White movement – the Provisional Primorye Government – after the political crisis of June 1922. Relying on the materials of the Primorye press, the author reconstructs the basic viewpoints within the politically active Primorye community. The researcher's attention is focused on the debates in the Amur River region National Assembly in June-August 1922, which resulted in the establishment of General M. K. Diterikhs's personal dictatorship. The paper analyses the behaviour of the National Assembly participants, their motives when making a decision, representation of these decisions in the pro-governmental press.

Key words and phrases: White movement; form of government; monarchy; anti-Bolshevism; civil war; political publicism; The Far East.

УДК 94(47)

Дата поступления рукописи: 15.06.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.11>

В статье анализируется отношение Якутского комитета партии эсеров и Якутского комитета Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) к политике Временного правительства России в марте – октябре 1917 года. На основе партийной печати и архивных документов в исследовании прослеживается позиция местных социалистов по отношению к Временному правительству, изменению его состава, кризисам в его деятельности. В работе выявлены региональные особенности партийной позиции якутских социалистов в период Февральской революции. Сделан вывод о том, что организации эсеров и социал-демократов Якутской области в целом поддерживали политику Временного правительства.

Ключевые слова и фразы: 1917 год; Февральская революция; эсеры; социал-демократы; большевики; меньшевики; Якутская область; Временное правительство России; Якутский комитет общественной безопасности.

Радченко Наталья Николаевна, к.и.н., доцент

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск
radvolchen@mail.ru*

**ОТНОШЕНИЕ ЯКУТСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ И ЭСЕРОВ
К ПОЛИТИКЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ**

Февральская революция 1917 года стала переломным моментом в истории нашей страны. После падения монархии власть перешла к Временному правительству. В регионах создавались местные органы власти, в Якутии в марте 1917 года был создан Якутский комитет общественной безопасности. В Якутской области действовали политические организации социалистических партий – эсеров и социал-демократов, состоявшие в период революции в основном из политссыльных. Политические организации Якутии в 1917 году под руководством своих лидеров определяли отношение к общественно-политической ситуации в стране, происходившим переменам, Временному правительству России и его решениям.

В ходе изучения истории политических организаций Якутии большой интерес вызывает анализ позиции социалистических партий по отношению к Временному правительству и его политике. Он позволяет выявить национально-региональные особенности восприятия новых революционных реалий.